

Женщины с цветами вместо ног

Изредка их ещё можно встретить на улицах – очень старых женщин с очень маленькими ступнями. Они идут, немного покачиваясь, тяжело опираясь на палочку или две, часто останавливаясь. С каждым днём их становится всё меньше – время берёт своё. Совсем скоро 90 – 100-летних женщин с маленькими ножками не будет вовсе, а вместе с ними достоянием истории станет и тысячелетняя традиция бинтования ног – традиция, которой не знала ни одна страна в мире, кроме Китая.

Как часто мы говорили себе и друг другу, надевая тонкие колготки в 20-градусный мороз: красота требует жертв. Моя мама теперь называет это «форс морозу не боится», что сути не меняет. Да уж, какие только ухищрения мы готовы придумать только для того, чтобы быть самыми красивыми и привлекательными! Но, похоже, все наши жертвы – ничто по сравнению с теми в прямом смысле слова пытками, которые на протяжении столетий вынуждены были терпеть молодые китайки, для того чтобы соответствовать местному идеалу красоты.

Предание гласит, что первой забинтовала ноги, чтобы придать им форму полумесяца, Яо Нян, любимая жена императора династии Тан (618 – 907 гг.) Ли Юя, по совместительству – знаменитого автора любовной лирики. Утверждают, что по приказанию Ли Юя для Яо Нян выстроили сцену в форме большого лотоса, на которой она танцевала с перебинтованными ступнями. Это стало модным, и вскоре знатные дамы последовали её примеру.

Правда, некоторые историки ставят под сомнение эту версию, утверждая, что практика бинтования ног появилась не раньше эпохи Сун (960 – 1279 гг.), что, как мне кажется, почти ничего не меняет: ноги бинтовали. Начали эту традицию женщины из знатных и богатых семей, а вскоре она распространилась по всей стране, превратившись из модного течения в суровую необходимость и став непременным атрибутом каждой красивой девушки. Со временем маленькие ножки стали самой интимной и сексуально привлекательной частью женского тела, своеобразным символом женственности. Девушка с забинтованными по всем правилам ножками удачно выходила замуж, даже проститутка с маленькими ступнями имела больше шансов заполучить богатого клиента. Классическая фраза из семи иероглифов так описывает идеальную женскую ступню: «тонкая, маленькая, острая, изогнутая, благовонная, мягкая, симметричная». Такую ножку называли «золотым лотосом» (цзиньлань), причём идеальным считался «лотос» длиной в 10 см. В средневековом Китае богатые мужчины пили вино из бокалов, изготовленных в форме женской туфельки, которые так и назывались – бокалы золотого лотоса, цзиньлань бэй.

Многие исследователи полагают, что главной причиной бинтования ног было вовсе не стремление к красоте, а гораздо более прозаическая вещь – желание удержать женщину дома и ограничить её общение с окружающим миром: на таких ногах далеко не уйдёшь. Как ни прискорбно по отношению к памяти великого учителя, обычай этот, скорее всего, ввели конфуцианцы, полагавшие,

что лучшее место для женщины – её дом, а единственное предназначение – рожать детей, на что длина стопы никак не влияла. А вот завести интрижку на стороне становилось почти невозможным.

И всё же эротика здесь, что называется, причём. Китайцы полагали, что походка прелестниц с забинтованными ногами особенно соблазнительна – при ходьбе женщинам приходилось балансировать, ритмично покачивая бёдрами. Такая ходьба неизбежно приводила к некоторым аномалиям в развитии таза (сужение и постоянное напряжение мускулатуры), что помогало достигать максимального наслаждения в моменты интимной близости. Из-за ограниченности движений кожа на ступне оставалась гладкой и чувствительной. Писатель Ли Юйтан писал, что «крупные незабинтованные ноги могут совершенно разрушить гармонию линий женщины».

Как же получались «золотые лотосы»? Когда девочке исполнялось 4-5 лет, четыре пальца ноги подгибались вниз и накрепко привязывались к ступне. Так девочка и ходила, лишь время от времени меняя бинты, а стопа практически переставала расти. Для достижения идеальной длины, бинтовать ноги нужно было начинать именно в этом возрасте: начини раньше – ребёнок не выдержит болевого шока и может вовсе перестать ходить, начини позже – стопа уже практически сформирована, и бинтование может оказаться неэффективным. Именно в столь нежном возрасте китайские девочки и узнавали, что красота действительно требует жертв и физических страданий – проходило ещё 4-5 лет, прежде чем острые болезненные ощущения, вызванные бинтованием, начинали притупляться. Имейте в виду: женщины бинтовали ноги всю жизнь. И всю жизнь ощущали, пусть и тупую, но боль, которая уходила только в моменты, когда ноги разбинтовывали, чтобы помыть, постричь ногти – и снова стреножить. С нашей европейской точки зрения, бинтованные ноги больше похожи на копытца, чем на «золотые лотосы», но, возможно, у нас просто туго с воображением.

Бинтование лишило женщин некоторых популярных до того удовольствий: они практически перестали танцевать. Начиная со всё той же эпохи Сун, прославленные китайские красавицы и куртизанки были способными певицами и музыкантшами, но в письменных источниках всё реже встречаются упоминания о знаменитых танцовщицах.

В каждой стране движение за свободу и равноправие женщин имеет свои национальные особенности. В Китае в конце правления династии Цин и первые годы после создания республики в 1911 году развернулось движение против бинтования ног. Кстати сказать, правившие Китаем в 1644 – 1911 годах под именем династии Цин маньчжуры своих девочек не бинтовали, оставив этот удел китаянкам, так что их легко можно было отличить по ногам.

Но отказ от бинтования произошёл далеко не сразу. Традиция эта ещё долго жила в сельской местности, сегодня там запросто можно встретить женщин с «золотыми лотосами», которым всего за 70.

Столетняя Чжао Цзиин вышла замуж в 17 лет, она матриарх семьи в 60 человек, пять поколений которой живут под одной крышей. Муж умер более 50 лет назад, но она так и не вышла замуж повторно. Когда она говорит о своих

забинтованных ногах, то не может сдерживать эмоций: «В то время не имело значения, красива девушка или уродлива, если у неё были забинтованы ноги. Забинтованные ноги были важнее всего – личность или таланты не имели значения. Женщина с большими ногами оставалась без мужа, так что мы все прошли через эту пытку». Мать Чжао Цзиин умерла, когда та была маленькой девочкой, а потому она бинтовала свои ноги сама: «Это было ужасно, я могу три дня и три ночи рассказывать, как я страдала. Кости были сломаны, мякоть вокруг них гнила. Но даже тогда я клала сверху кирпич – для надёжности, что ступни будут маленькими. Год я не ходила...». У её дочери тоже забинтованные ноги.

Но не только «золотыми лотосами» определялась женская красота. Создание с хрупким сложением, тонкими длинными пальцами и мягкими ладошками, нежной кожей и бледным лицом с высоким лбом, маленькими ушами, тонкими бровями и маленьким округлым ротиком – вот портрет классической китайской красавицы. Дамы из хороших семей сбрасывали часть волос на лбу, чтобы удлинить овал лица, и добивались идеального очертания губ, накладывая помаду кружком. Не отсюда ли, кстати, пошли так популярные в первой половине XX века «губки бантиком»?

Волосы с помощью шпилек и заколок укладывались в сложную волнистую причёску, которую ценители уподобляли благородным цветам или – высший комплимент – «дракону, резвящемуся в облаках». Верхом парикмахерского искусства считалось умение соединить в причёске элементы так, чтобы присутствие «дракона», скрытого «облаками», только угадывалось. Чтобы выглядеть изысканными, женщины из высшего общества покрывали лицо рисовой пудрой, а щёки – румянами, красили губы помадой цвета «спелой вишни».

В ходу были и другие украшения, успешно пережившие века, которыми мы и сегодня пользуемся: серьги, декоративные шпильки и гребёнки, кольца и браслеты. Китайские красавицы пользовались цветочной водой и ароматным мылом, и, подолгу сидя возле курильниц, пропитывали одежду запахом дорогих благовоний.

Этикет предписывал, чтобы лицо женщины всегда было бесстрастным, а движения – сдержанными и плавными. Смеяться на людях, обнажая зубы, было признаком крайне дурного воспитания. Отголоски этого и сегодня ещё заметны – китайские девушки часто прикрывают рот ладонью, когда смеются.

Китайцы – великие философы, уверенные в том, что между телом и душой существует глубокая связь. По-настоящему красивая женщина – не только привлекательная обладательница «золотых лотосов», она разбирается в живописи и поэзии и всегда может поддержать разговор. Важным достоинством женщины полагалось очарование – магическая сила красоты, скрытая под оболочкой покорности.

А как насчёт невидимой и почти неуловимой ауры, которую мы часто называем обаянием? И на этот счёт у китайцев имеется своё мнение. Секрет женского обаяния, как утверждает писатель Ли Юй, – в том, чтобы «сделать старое молодым, уродливое – прекрасным, привычное – изумительным». Умение

каждой женщины быть очаровательной и обаятельной «исходит от Неба», постигается интуитивно и не передается по наследству. Эта неуловимо тонкая материя не исчезает с годами, она не подвластна старению, а значит, обаятельная женщина всегда красива.

В «Книге женских прелестей», которую написал в XVII веке Вэй Юн, даётся такое поэтическое определение женской красоты, не меркнущей с годами: «Настоящая красавица в каждом возрасте имеет свои прелести. В юности, когда ей лет пятнадцать или шестнадцать, она подобна гибкой иве, благоухающему цветку или весеннему дождю: телом чиста и непорочна, личиком гладка и нежна. В цветущем возрасте она подобна солнцу, сияющему в небесах, и луне, проливающей с высоты свой бледный свет, и нет в ней изъяна, как в свежем цветке персика или пионе, а потому неизменно возбуждает она сильные чувства. Когда же наступает старость, и любовное чувство в ней ослабевает к ней приходят мудрость и покой души. В такие годы она подобна выдержанному вину, или мандариновому плоду, тронутому ранним инеем, или же многоопытному полководцу, постигшему все тайны военного искусства».

Помните, как вопрошал поэт: «Что есть красота и почему её обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, пылающий в сосуде?». Кажется мне почему-то, что красота – и то, и другое. Иногда я думаю, что заурядная внешность – тоже в некоторой степени благословение: внешней красоте, увы, суждено погибнуть, а красоте внутренней – никогда. Так почему же всё равно так хочется иметь большие глаза, ровный нос и все прочие банальные атрибуты красоты внешней? И когда они приходят, обещанные Вэй Юном «мудрость и покой души»? Или, может быть, нужно относиться к этому проще – представления об идеале у разных народов сильно отличаются друг от друга, представления о красоте внутренней – очень близки.

Неудивительно, что в такой многонациональной стране как Китай, в разных её частях и представления о красоте весьма различны. Когда в XVII веке маньчжуры завоевали Китай и основали последнюю императорскую династию Цин, то были поражены красотой ханьских (то есть собственно китайских) женщин, и два последующих века брали в жёны и наложницы именно их. И лишь во второй половине XIX века одна маньчжурка смогла поразить императора Сяньфэна своей неканонической красотой: овальное лицо, высокий рост и громкий голос наложницы Цы Си (что означает «Святая Мать») резко контрастировали с прелестями других обитательниц гарема. Совершив головокружительный прыжок из рядовых наложниц в императрицы, «Маленькая Орхидея» (такое имя было дано ей при рождении) долгие годы правила гигантской страной. Роскоши её двора могли позавидовать самые богатые монархи мира. Достаточно сказать, что деньги, собранные со всей страны на создание современного флота, Цы Си потратила на строительство Летнего дворца недалеко от Пекина. Очень красивого дворца, кстати, где есть напоминание о так и не состоявшемся военном флоте: стоящая в озере Мраморная лодка, на которой Цы Си любила обедать в жаркие летние дни – лёгкий бриз и всё такое... Долгие годы императрица умудрялась оставаться

моложавой и привлекательной, не жалея на это ни времени, ни средств. Рассказывают, что каждое утро она принимала ванну из женского грудного молока.

Верить этим рассказам или нет – ваше право. Интересное дело – история практически умалчивает о её фаворитах, которые всегда были непременным атрибутом европейских монархинь. То ли роскошь была единственной страстью этой Орхидеи, то ли государственные дела отнимали слишком много времени и сил, то ли незабинтованные ноги не способствовали возникновению любовного желания – разве ж теперь разберёшь? Умерла она в 1909 году в возрасте 73 лет – достаточно молодой по китайским понятиям.

По-своему понимают красоту и другие народы Китая. Иностранцы, впервые посетившие Тибет, были потрясены красотой тамошних женщин – смуглолицых, с гордой осанкой, длинными чёрными волосами, перехваченными жгутами чёрных или красных нитей. Правда, от тибетских женщин исходил весьма специфический запах прогорклого топлёного масла, что не могли не отметить чувствительные к ароматам европейские мужчины. Но красота красотой, а суровый климат учитывать тоже нужно. Неблагоприятные природные условия не могли не отразиться на способах, которыми местные жительницы сохраняли свой внешний вид. Из-за разрежённого горного воздуха (4000 м над уровнем моря – средняя высота, на которой живут тибетцы), постоянных ветров, близкого жгучего солнца и неизбежной сухости, женщины смазывали своё тело жиром, который предохраняет кожу от обветривания и ожогов. Лицо же они мазали сливочным маслом и посыпали сверху землей. Конечно, непосвящённому европейцу тибетская дама казалась просто забывшей умыться, он и не догадывался, что это своего рода гигиеническая процедура. Может быть, красота и требует жертв, но здоровье наверняка дороже – решили тибетские женщины.

А вот девушки народности ли, проживающей на субтропическом острове Хайнань, издавна покрывают своё тело татуировками. Старинная легенда гласит, что когда-то вождь племени надругался над красивой девушкой, и с тех пор все представительницы прекрасного пола стали уродовать свое тело, шею и ноги татуировкой, чтобы избежать подобной участи. Хотя, похоже, сейчас девушки народности ли могли бы считаться самыми модными и красивыми где-нибудь в Лондоне или Нью-Йорке, правда? И это – лишнее подтверждение тому, насколько относительно представления о красоте внешней.

Может быть, именно это и пытались доказать в 1949 году и сразу после него китайские коммунистки, отказавшись от всего, что могло выдать в них женщину. Платья сменились брючными костюмами в стиле Мао Цзэдуна, «драконы, резвящиеся в облаках» превратились в короткие практичные стрижки, пудра, румяна и другие буржуазные штучки оказались напрочь забытыми. Женщина стала прежде всего строителем коммунизма, а потом уже всем остальным.

Но скорее всего, такой подход всё же противоестественен женской природе соблазнительницы, а потому начало политики реформ и открытости, провозглашённой Дэн Сяопином в 1978 году, отразилось и на женских лицах. Сегодня косметический бизнес – одна из процветающих отраслей экономики, а

салоны красоты в китайских городах – на каждом шагу. Невиданное дело: женщины стали прибегать к пластическим операциям, самые популярные – поднять нос, увеличить и немного приподнять грудь, расширить разрез глаз, убрать морщины, срезать лишний жир. Чаще всего к хирургам приходят женщины в возрасте от 20 до 40 лет, но случаются и пациентки за 60. Большинство родителей поддерживают своих дочерей в стремлении стать красивыми, полагая, что привлекательная внешность принесет больше возможностей для развития и, что особенно важно, трудоустройства. В 2001 году хирурги с удивлением подсчитали, что в отдельные дни количество пациенток, желающих убрать лишний жир с отдельных участков тела, доходило до 112. А ведь красота требует не только жертв, но и серьёзных денежных расходов – липоксация стоит не меньше 120 долларов. За каждый участок, конечно. Так что современные китайки доказывают: философия философией, а внешность тоже важна.

Часто мы почему-то считаем, что все китайцы – на одно лицо. А знаете, что однажды довелось услышать, когда один и тот же человек поздоровался со мной дважды в течение пятнадцати минут? «Ох, извините, вы, европейцы, так похожи, я ещё не научился хорошо различать». Как говорится, и смех, и грех. Китайские лица – очень разнообразные, и теперь я запросто могу отличить ханьца от монгола, а жителя севера страны от его южного собрата: северные китайцы – высокие, бледнолицые, со светлой кожей и немного приподнятым носом, а южные – невысокие, смуглокожие, с приплюснутым носом. Знаете, какое впечатление было одним из самых удивительных для моей приехавшей в гости мамы? «Здесь так много красивых людей!». И тут же со смехом она рассказала историю про одну китайскую делегацию, которая неделю находилась в Гомеле. Уезжая, руководитель делегации сказал принимавшей стороне: «У вас очень хорошая страна, но какие же у вас некрасивые женщины». Мама долго не могла успокоиться: «Это о нас-то! А ведь белорусские женщины – самые красивые в мире!»

А потому – Бог с ней, внешней красотой, которая никогда не заменит очарования или обаяния, за которые нас на самом деле и любят. Как говаривал Вэй Юн: «Тот, кто постиг правду жизни и правду смерти, знает, что мысли о долгой или короткой жизни, об успехах и неудачах в мире губят нас. Для такого человека любовь к женщине поможет сберечь себя, возрадоваться своей Небесной доле, забыть печали и сполна прожить свою жизнь». Не такого ли мужчину мы ждём с самой своей юности и не для такого ли мужчины будем всегда красивыми и желанными?

Инесса Плескачевская, «Поднебесная страна: очерки о современном и традиционном Китае», глава «Традиционный Китай».

РИФТУР, Минск, 2002.